

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Латонова Анастасия Вячеславовна

Образ Александра I в английских и немецких газетах (1812–1825 годы)

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

- Научный руководитель** – **Андреев Андрей Юрьевич**,
доктор исторических наук, профессор
- Официальные оппоненты** – **Ростовцев Евгений Анатольевич**,
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет», Институт
истории, кафедра истории России с
древнейших времен до XX века,
профессор
- Ружицкая Ирина Владимировна**,
доктор исторических наук,
ФГБУН «Институт российской истории
Российской академии наук», Центр
«История России XIX – начала XX вв.»,
ведущий научный сотрудник
- Грачёва Юлия Евгеньевна**,
кандидат исторических наук,
ОЧУ ВО «Православный Свято-
Тихоновский гуманитарный университет»,
историко-филологический факультет,
кафедра истории России, доцент

Защита диссертации состоится «3» июня 2024 года в 13:30 часов на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3018>

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Антропологический поворот в науке привел к тому, что в центре внимания исследователей вновь, как в классический период, оказались люди, а не общественные отношения и институты. На новом этапе осмысления человека в истории сформировалось, в частности, такое направление исследований, как изучение образов исторических личностей в массовом сознании. В рамках данного направления ценность имеют как представления, характерные для современников этих личностей, так и представления потомков. Они позволяют понять, с одной стороны, какими выдающиеся люди представляли в глазах публики, а с другой – как общество сознавало само себя в тот или иной период, в чем была специфика его ментальности.

Одной из самых актуальных тем в рамках такого направления выступает изучение образа личности во власти, поскольку именно власть всегда задавала тон обществу. В последние два десятилетия публикуется большое количество работ, посвященных именно образам российских самодержцев. Чаще всего в качестве фигуры для исследования при этом можно видеть Петра I и Николая II в силу очевидного переломного характера их правлений. Но, как представляется, не меньшего внимания заслуживает Александр I, на годы царствования которого выпала Отечественная война 1812 г. и следующая за ней принципиальная перестройка международных отношений в Европе в рамках созданного этим императором Священного союза. И если для разносторонней характеристики самого Александра Павловича в литературе на протяжении последних двух веков приводились мнения из самых разных источников, в том числе и иностранных, то обратная задача – составить представление не о реальном Александре, а о его образе в умах иностранных корреспондентов – ставится впервые. Вместе с тем подобное исследование раскрывает как вопрос осознанной самопрезентации в глазах иностранной публики со стороны Александра I, так и вопрос субъективных представлений о нем (а через него – о России) в международном сообществе.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является британская и немецкая пресса 1812–1825 гг. в ее газетном сегменте. Предмет исследования – образ императора Александра I в этих периодических изданиях. Понятие «образ» в данном случае заимствуется из лексикона политической психологии. Под ним подразумевается сложносоставной социально-психологический конструкт, возникающий в результате формирования представлений о личности и деятельности самодержца в массовом сознании и формирующийся под влиянием как специально конструируемых установок восприятия, так и бессознательных устойчивых компонентов, коренящихся в национальных политических культурах.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница – 1812 г. – определяется тем, что именно в контексте освобождения Европы от Наполеона Александр I впервые завоевал пристальное внимание европейской прессы, и в последующее десятилетие это внимание уже не ослабевало. Верхнюю границу – 1825 г. – задает смерть этого императора.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и включают в себя территории Российской империи, государств Германского союза и отчасти Австрийской империи, а также земли, находившиеся под властью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в выявлении структуры и содержания образа Александра I в британской и немецкой прессе 1812–1825 гг., а также динамики его изменения в процессе развития политических событий в России и Европе.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

– определить методологические принципы, подходящие для изучения образа российского самодержавного правителя;

– проследить формирование образа Александра I на страницах британских и немецких газет периода Отечественной войны 1812 г. и Войны шестой коалиции;

– проследить изменения этого образа в период Венского конгресса;

– выявить новые компоненты образа, сложившиеся на фоне воплощения Александром I в жизнь идей Священного союза;

– определить место Александра I в ряду других правителей и его историческую роль в восприятии британской и немецкой прессы, а также установить различия в британской и немецкой версиях его образа.

Методологической основой исследования являются имагологический и историко-антропологический подходы, нацеленные на интеграцию материала из различных областей гуманитарного знания и предполагающие «особую чувствительность историка к языку и понятиям изучаемой эпохи, к ее символам и ритуалам»¹. Исследование построено на принципах единства логического и исторического, непротиворечивости выдвигаемых положений и полидисциплинарности, традиционных принципах историзма, сравнительности и проблемности. Эти принципы реализуются посредством сравнительно-исторического, историко-генетического и структурно-системного методов. Кроме того, следует назвать аксиологический метод, при помощи которого были выявлены ценностные доминанты в образе императора в изложении британской и немецкой прессы рассматриваемого периода.

Степень изученности темы. Историография заявленной темы распадается на три больших пласта и включает в себя исследования образов «другого», «чужого» (то есть, исследования по имагологии), литературу о царствовании Александра I и работы, посвященные истории прессы. Это связано с тем, что, с одной стороны, представляется необходимым вписать образ Александра I в линию образов других российских монархов, а с другой

---

¹ Кром М.М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 180.

– не менее важно учитывать тенденции внутри самой английской и немецкой прессы в рассматриваемый период.

Из историографии царствования Александра I привлекаются исследования, рассматривающие правление этого императора в целом², а также работы по его внешней политике³, прежде всего – внешней политике 1812–1825 гг.⁴. Литература по истории прессы в работе закономерно делится на посвященную периодике английской⁵ и немецкой⁶, а кроме того – на общие работы по истории европейской журналистики⁷. Исследования по имагологии можно также разделить на подгруппы. Во-первых, это работы, посвященные изучению образа российских императоров в глазах их собственных, русских, подданных (отдельно по категориям – современников и потомков,

---

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1897–1898; Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 2003; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. М., 1989; Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998 и др.

³ История внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1999; Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 2002; Айранетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. В 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М., 2017 и др.

⁴ Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. В 5 т. Рига, 1886–1892; Парсамов В.С. Александр I и проблема общеевропейского единства в 1814–1815 гг. // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 4. М., 2007. С. 312–323; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012; Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2022. Т. 106. С. 62–80 и др.

⁵ См., например: Bourne H.R. English Newspapers: Chapters in the History of Journalism. Vol. 1–2. Vol. 1. London, 1887; Aspinall A. Politics and the Press, 1780–1850. New York, 1949; Wiles R.M. Freshest Advices: Early Provincial Newspapers in England. Columbus (Oh.), 1965; Brake L., Demoor M. Dictionary of Nineteenth-Century Journalism in Great Britain and Ireland. Gent, 2009; Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании. СПб., 2000.

⁶ См., например: Groth O. Die Geschichte der deutschen Zeitungswissenschaft: Probleme und Methoden. München, 1948; Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Presse. Teil II. Bd. 6. Berlin, 1966; Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3, Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1. Leipzig, 1976.

⁷ Hunt F.K. The Fourth Estate: Contributions Towards a History of Newspapers, and of the Liberty of the Press. 1850. Vol. 1–2. Vol. 1. London, 1850; Трыков В.П. Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

придворных элит, просвещенных слоев общества и народных масс)⁸. Во-вторых, это работы, освещающие эти же образы в видении внешних для русского мира наблюдателей (европейского сообщества, американской публики, элит и обывателей из азиатских стран, представителей национальных окраин и инородцев внутри самой Российской империи, а также отдаленных народов, которым покровительствовали русские государи)⁹. При этом для более глубокого понимания соответствующих представлений иностранцев необходимо также иметь в виду литературу¹⁰, рассматривающую их представления о России и её народе вообще – о том «фоне», на котором предстают правители.

Источниковой базой исследования служат периодические издания, а именно – английские и немецкие газеты 1812–1825 гг. При этом под понятием «английские»/«британские» подразумеваются не только собственно газеты, выходившие на территории Англии, но вообще газеты, выходившие на подвластных английской короне территориях (включая Индию). В понятие

⁸ Среди них: *Лобачева Г.В.* Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX в.). Саратов, 1999; *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. М., 2002. Т. 1; *Мухин О.Н.* Петр I – царь-харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени // Политическая культура в истории Германии и России: сб. научных статей. Сер. «Германские исследования в Сибири». Кемерово, 2009. С. 373–385; *Устименко Г.А.* Образ императора Александра II в публикациях журнала «Исторический вестник» (1881–1894 годы) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. В 3 т. Т. 3. Иркутск, 2012. С. 35–38.

⁹ Среди них: *Cross A.G.* Peter the Great through British Eyes. Cambridge University Press, 2000; *Еремин В.С.* Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения “The Edinburgh Review” в первой четверти XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 43–51; *Галкина О.И.* «Царь-миротворец» и «отец народа»: образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв. // «Свои» и «другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России: к юбилею Виктора Леонидовича Малькова. СПб., 2020. С. 275–296.

¹⁰ *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.), 1999; *Leerssen J.* Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / Ed. by M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007; *Кросс Э.* Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в Новое и Новейшее время: сб. статей. Ярославль, 2008; *Орлова О.Г.* Стереотипы о России и русских. Кемерово, 2011.

«немецкие» включены газеты, выходившие на территории государств Германского союза (из австрийских привлекается лишь хроника Венского конгресса в силу уникальности информации этого периодического бюллетеня, анализ же прочих газет Австрийской империи не дал сколь бы то ни было существенных находок по части суждений об Александре I).

В Англии свобода печати, провозглашенная Биллем о правах 1689 г., способствовала быстрому развитию прессы – в первую очередь, политической, партийной журналистики. При этом, однако, нужно иметь в виду, что в рассматриваемый период сохранялось большинство препятствовавших созданию дешевых газет налогов (штемпельный – взимаемый с каждого экземпляра периодического издания в зависимости от его тиража и даже количества полос, – налоги на публикацию рекламы, бумагу). Из-за высоких налогов британские газеты в середине XIX в. стоили дороже, чем, например, во Франции, а соответственно, были менее доступны читателям и в меньшей степени влияли на общественное мнение¹¹. Так или иначе, к началу XIX в. в одном только Лондоне выходило 52 газеты¹². Общее же число английских газет, в которых в исследуемый период обнаруживаются суждения об Александре I, составляет порядка сотни. При этом некоторые из этих газет очевидно служили авторитетными источниками для других, поскольку в последних в ряде случаев обнаруживаются примеры дословных заимствований из первых (это же наблюдение применимо и к немецким газетам, речь о которых пойдет позже). Из числа консервативных английских газет «авторитетными» в смысле суждений об Александре I оказываются “The Morning Post” и “The Leeds Intelligencer”, из числа либеральных – “The Morning Chronicle and London Advertiser”.

Немецких газет для исследования оценок образа Александра I было подобрано порядка 40. Деление их на консервативные и либеральные для исследуемого периода не столь рельефно, как деление английских. Скорее,

---

¹¹ Тендип К.Н. Указ. соч. С. 82.

¹² См.: Lake B. *British Newspapers: A History and Guide*. London, 1984.

можно говорить о массе патриотически настроенной прессы с отдельными наиболее смелыми изданиями на общем фоне. При этом по сравнению с английской в немецкой прессе – несмотря на меньшее число газет в целом – в плане распространения суждений о русском императоре можно видеть большее число «авторитетных» изданий. В качестве объяснения последнего можно предложить следующее: в силу раздробленности немецких земель события, происходящие в них и затрагивающие их интересы, могли быть в какой-то мере независимыми и разнообразными, поэтому из центров одних земель в другие расходились оригинальные информационные импульсы. При этом свой отпечаток накладывало и то, что в некоторых землях (в 1818 г. – в Баварии, в 1819 г. – в Вюртемберге) конституционно была закреплена свобода печати. В других же (Пруссии, Саксонии, Австрии) цензура по-прежнему оставалась очень жесткой¹³. В 1819 г., впрочем, на фоне борьбы правительств немецких земель с растущими в обществе настроениями в пользу объединения Германии были приняты Карлсбадские указы, по которым цензура прессы была повсеместно усилена¹⁴. Газеты также могли закрываться и по указке Священного союза (такая судьба постигла, например, вюртембергскую “German Observer”¹⁵). Ведущей политической ежедневной газетой в немецких землях первой половины XIX в. была “Allgemeine Zeitung” (1798–1929 гг.), получившая широкое признание за рубежом как символ немецкой прессы¹⁶. В качестве других авторитетных изданий можно выделить “Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten” (“Augsburger Postzeitung”), “Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung”, “Rheinischer Merkur” и “Westphälischer Moniteur”.

---

¹³ *Tendim K.H.* Указ. соч. С. 77.

¹⁴ *Blumenauer E.* Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger “Allgemeine Zeitung” im Karlsbader System (1818–1848). Köln, 2000. S. 19–24.

¹⁵ *Bury and Norwich Post.* 1823. No. 2139 (25th June). P. 3.

¹⁶ *Heyck E.* Die Allgemeine Zeitung 1798–1898 // Beiträge zur Geschichte der deutschen Presse. München, 1898. S. 15.

Научная новизна исследования состоит в том, что при изучении образа Александра I в прессе методологические усилия направлены именно на выяснение характеристик этого образа в рамках изучения внешнеполитических репрезентаций российского императора, в то время как в историографии к настоящему моменту подавляющее большинство работ по имагологии самодержавия посвящено интерпретации того или иного образа, прежде всего с целью характеристики сознания оценивающей этот образ публики. Например, образ монарха глазами крестьян или дворянства рассматривается для оценки их ментальности, качественных сдвигов в их мировоззрении в тот или иной хронологический период. Образ русского царя глазами иностранцев – для анализа проявляющихся при этом национальных стереотипов. В данной же работе исследовательский интерес связан именно с фигурой Александра I, а не с ментальностью наблюдавшей его иностранной публики.

В русле этого интереса в исследовании впервые рассматриваются различные (в зависимости от периода, обстоятельств и позиции наблюдающих) образы Александра I в их дихотомии: обороняющегося – победителя, либерала – реакционера, благодетеля – предателя и тирана. Сопоставляются идеализированные образы этого правителя эпохи Венского конгресса, «черный миф» о нем как виновнике карательной политики Священного союза, его собственные политико-идеологические интерпретации своей деятельности и факты историографии.

Заметки об Александре I в британских и немецких (германских и отчасти австрийских) изданиях при этом избраны в качестве материала для исследования в силу определенной противопоставленности соответствующих государств на европейской геополитической арене в рассматриваемый период (Великобритания не испытала влияния Наполеона, немецкие земли же находились под его властью; Великобритания не стала участницей Священного союза и не была заинтересована в успехах его политики, а немецкие земли, напротив, первыми вошли в состав нового международного

объединения). Подобные различия в положении государств заведомо предполагают разночтения в интерпретации образа российского лидера и откликах на его внешнеполитические репрезентации. Вместе с тем немецкая и английская пресса впервые получает в исследовании комплексное освещение как источник по имагологии самодержавия первой четверти XIX века.

Теоретическая значимость работы обусловлена возможностью проследить исторические предпосылки складывания образа российских глав государства в глазах народов Германии и Великобритании, что, в свою очередь, применимо при изучении культурного взаимодействия России с зарубежными странами.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его результаты в лекционных курсах и учебных пособиях для высших учебных заведений.

Достоверность исследования определяется широтой и репрезентативностью его источниковой базы и верифицируемыми методами, которые автор применяет для изучения и анализа исторических источников.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 4 научных работах автора общим объемом 4,46 п.л., в том числе в 4 публикациях общим объемом 4,46 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6. – Исторические науки.

Структура диссертации определяется задачами исследования. Она включает в себя введение, пять глав, разделенных на параграфы, заключение, список источников и литературы и приложение.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Образ Александра I в период Отечественной войны и Заграничного похода в изложении немецких корреспондентов включал в себя такие черты, как самонадеянность, слабость и жестокая недалёковидность – но в изложении английских представлял собой средоточие кротости, доброты и христианского чувства.

2. В период 1814–1815 гг. образ Александра I в немецких и английских газетах был во многом схожим: и те и другие преподносили его читателям как благородного героя и милосердного политика, освободившего от оков наполеоновского владычества европейскую цивилизацию.

3. Начиная с 1815 г. и до самой смерти императора его образ в немецкой прессе оставался в основе своей положительным: Александр I представал либеральным правителем и благородным человеком, объединяющим европейские народы в единую христианскую семью.

4. В 1816–1819 гг. в «английском» образе Александра I начали копиться противоречия. Он выглядел на газетных страницах уже не идеальным правителем, а реальным человеком, которому наряду с позитивными чертами присущи лень, непродуманность и/или коварство. Начиная с 1820 г. английские авторы уже активно демонизировали Александра I, преподнося его политику в качестве агрессивной экспансии, влияния на европейские государства под маской христианского объединения, а самого Александра I при этом выставляя личностью противоречивой и не заслуживающей доверия.

5. В ряду русских монархов образ Александра I в отражении английской и немецкой прессы оказался ближе всего образу Петра Великого глазами европейцев. В лучших вариациях этого образа Александр I представал в роли просвещенного монарха, несущего обществу цивилизацию и справедливость, а в худших – азиатского деспота, лишь внешне перенявшего европейскую культуру.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** приводится обоснование научной значимости и

актуальности темы диссертации, указываются объект и предмет работы, формулируются ее цель и задачи, раскрывается методология, обозначаются хронологические и территориальные рамки исследования, оценивается степень изученности очерченных проблем, анализируется источниковая база, характеризуются научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, приводятся информация об апробации и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Образ императора в глазах современников как объект для изучения» – имеет теоретико-методологический характер и призвана выяснить подходы, которые могут быть применены для исследования по имагологии власти.

В первом параграфе – «Результаты изучения образа российского самодержавия в российской и зарубежной историографии: методология и результаты исследования» – на основании опыта историографии выделяются методологические вопросы, поиск ответов на которые предполагает рассмотрение имагологии самодержавия. Это вопросы о символическом поле властной деятельности и значении личных качеств правителя при воздействии на публику, об эволюции монарших репрезентаций во времени и критериях отбора фактов его биографии для репрезентации. Кроме того, как показывает анализ историографии, при исследовании непосредственно газетных материалов как массового источника актуальным является также изучение вопроса коннотаций с именем монарха в публикациях периодики и количественных характеристик, которые можно выявить при анализе соответствующих публикаций.

Во втором параграфе – «Иностранная пресса первой четверти XIX века как источник по истории России» – показано, что английская и немецкая пресса указанного времени информативна, с одной стороны, как вариант субъективной (и этим интересной) интерпретации уже известных фактов, а с другой – как сумма сведений о почти (или совершенно) неизвестных деталях значимых событий, требующих осмысления. Она демонстрирует взгляд со

стороны на Российскую империю, ее политику и правителей, необходимый для более объективного понимания того, какой отклик на практике находили политика, идеи и репрезентации русских монархов.

Вторая глава – «Противостояние с Наполеоном и эпоха Венского конгресса» – освещает складывание образа Александра I на страницах английской и немецкой прессы в 1812–1815 гг.

В первом параграфе – «Формирование образа Александра I как борца с Наполеоном» – рассматривается, каким был образ Александра I в контексте его противостояния с Наполеоном в период Отечественной войны 1812 г. с точки зрения английских и немецких газетчиков. Упоминания (и тем более оценки) Александра I в газетах этого времени малочисленны и первоначально не слишком комплиментарны, особенно в немецкой прессе, которая по большей части еще находилась в это время под французским влиянием. Англичане высказывались об Александре с большей симпатией, выделяя кротость и добродетельность российского правителя в противовес негативным чертам корсиканца, однако слабо верили в успех России со столь мягким государем во главе. Можно заметить, что Александр I отнюдь не сразу стал представляться публике достойной антитезой Наполеону – до этого ему предстоял путь военных и личных побед, хотя и не столь продолжительный.

Во втором параграфе – «Александр I – победитель» – проводится исследование трансформации образа Александра I на страницах английских и немецких газет в 1813 г., когда стало понятно, что победа в войне окажется за русским императором. Показано, что дискурс восхваления благородства и милосердия российского императора вылился в выводы о дарованной ему победе как награде за добродетели. Устойчивыми коннотациями с именем Александра I тогда стали такие понятия, как гуманизм, альтруизм, мир и освобождение.

В третьем параграфе – «Александр I в Париже: основные черты образа» – показано, что, когда русская армия дошла до Парижа, газетные сюжеты вокруг фигуры императора Александра претерпели изменения в

рамках смены парадигмы «от войны – к миру». С именем российского императора теперь ассоциировались труды ради всеобщей пользы в рамках восстановления всего, что было разрушено войной и наполеоновским произволом. Материал для оценок в это время давали также торжественные приемы, балы и прочие публичные мероприятия, участники и свидетели которых могли оценить российского императора в более неформальной, чем прежде, обстановке – и корреспонденты подмечали его личное обаяние, чувство юмора и простоту обращения.

В четвертом параграфе – «Путешествия Александра I по Европе в 1814–1815 гг.» – рассматривается, как английские и немецкие газеты преподносили Александра I в ходе его поездок по Европе в указанные годы на волне свежей славы победителя Наполеона. В представлении английских газет Александр I во время своего визита на Туманный Альбион представал человеком, бегущим от любой помпезности и церемоний и ищущим только удовлетворения разумной любознательности на фоне чужих нравов и учреждений. В свою очередь, авторы немецких газет прославляли российского императора, рассказывая, с каким энтузиазмом его встречали во всех городах освобожденных им немецких земель и как сам российский император держался на этих встречах. На основании этого материала делаются выводы как о саморепрезентации Александра I, так и о репрезентации его образа газетчиками сквозь призму их ожиданий, связанных с ним.

В пятом параграфе – «Финальная репрезентация Александра I как победителя Наполеона» – разбирается саморепрезентация российского императора в рамках прощального войскового смотра при Вертю в 1815 г. после окончательной победы над Бонапартом. Отмечается, что этот смотр послужил зримым воплощением торжества России и ее императора, демонстрацией союзнического потенциала России и ее независимой мощи как игрока на политической арене, а самого Александра – как того, кто правит бал в Европе и вместе с тем является орудием в Божьих руках.

В третьей главе – «Венский конгресс» – исследуются новые черты

образа Александра I, привнесенные пришедшей на смену войне обстановкой балов и переговоров.

В первом параграфе – «Александр I как монарх-победитель и его отношения с другими монархами на конгрессе» – анализируются газетные оценки императора Александра в рамках демонстрируемой публике его тесной дружбы с австрийским и прусским монархами, а также его доброжелательных отношений с другими лицами, от собственных членов семьи до вчерашних недругов. Определяющим в таких репрезентациях становится чувство «близкородственной» теплоты, с которой Александр Павлович общался с самыми разными людьми, предвосхищая создание Священного союза как «общеевропейской семьи» и на личном уровне закладывая основы будущего братства государств. На графиках, составленных по динамике упоминаний Александра I и Франца I с Фридрихом Вильгельмом III, показано, что в большинстве изданий именно российский император становился героем статей чаще в сравнении с его коллегами, а также что на фоне всего периода 1812–1825 гг. эпоха Войны шестой коалиции и Венского конгресса стала пиком позитивных публикаций о нем.

Во втором параграфе – «Александр I как дипломат. Восприятие его дипломатической деятельности на конгрессе» – в центре внимания находятся газетные интерпретации дипломатических успехов российского государя на Венском конгрессе. Показывается, что императору Александру – в силу его сложившегося позитивного образа – со стороны газетчиков приписывались заслуги, намного превосходившие реальные, а подчас даже прямо противоположные истинному положению дел.

В третьем параграфе – «Александр I и окружающее общество в период Венского конгресса. Повседневные репрезентации» – систематизируются газетные сведения об общении русского государя с жителями Вены, включая самых низкородных, на основании которых читатель мог сделать вывод о щедрости, открытости и легкости нрава императора. Отмечается очевидная анекдотичность ряда таких сведений, подтверждающая, что образ Александра

I тогда уже стал эксплуатироваться в новосозданном «фольклоре».

Четвертая глава – «Священный союз: идея и политика» – посвящена изменениям в образе Александра I на новом этапе его внешней политики, обусловленном созданием Священного союза.

В первом параграфе – «Восприятие Акта о Священном союзе» – приводится реакция немецкой и английской прессы на опубликованный Акт о Священном союзе. Налицо расхождением в восприятии интенций русского монарха со стороны немцев и англичан – расхождение, которое будет лишь углубляться в дальнейшем, накладывая свой отпечаток на образ самого императора Александра в его различных версиях. Показывается, что английских наблюдателей изначально насторожил необычный документ с туманными формулировками, относительно подлинного смысла которых в британской прессе стали возникать негативные теории. Немцы же оказались склонны вкладывать в эти формулировки то, чего не доставало лично им.

Во втором параграфе – «Реакция в прессе на консервативную политику Священного союза» – прослеживается ужесточение оценок в адрес александровского детища в прессе по мере прохождения союзных конгрессов с их постановлениями и по мере усиления реакционных тенденций в союзе на фоне революций в испанских и итальянских землях, а также греческой проблемы. Показывается, что от подозрений в каком-то заговоре среди стран-союзниц особо радикальные журналисты доходили до идей о том, что новое коллективное владычество являет собой худшую версию тирании поверженного Наполеона.

В третьем параграфе – «Образы Священного союза на страницах прессы» – внимание заостряется на конкретных вербальных образах, которыми репрезентируется Священный союз в недовольной его политикой прессе. Среди этих образов отдельно можно выделить ассоциации «Священный союз – хищный зверь с зубами и когтями» и «Священный союз – змей-искуситель в маске ангела».

В четвертом параграфе – «Возникновение “черного мифа” об

Александре I» – анализируется складывания негативного образа Александра I как главы Священного союза на фоне того, что ряд изданий все «злодеяния» последнего возлагал непосредственно и исключительно на российского императора – в том числе и тогда, когда в реальности за ними стояли совсем другие люди. Показывается, что изначальное представление о мягкости Александра (как положительной черте) в устах газетных критиков перевоплотилось в убежденность в его бесхарактерности, обаяние стало оцениваться как лицемерность, а энергичный интерес ко всему – как склонность к деспотизму даже в мелочах. Отмечается, что, в частности, у англичан в 1820 г. впервые число негативных публикаций о российском императоре превысило число позитивных. Для немецкой прессы подобной динамики не наблюдается, но, как отражают подсчеты суждений об Александре I как либерале и как консерваторе, она до самого конца старалась позиционировать его именно как либерала, выдавая желаемое за действительное.

В пятой главе – «Итоги царствования Александра I в отражении прессы» – конструируется обобщенный образ Александра I на всем протяжении его царствования в восприятии английских и немецких корреспондентов.

В первом параграфе – «Личность самодержца, стоявшего за преобразованием Европы» – анализируются сложившиеся в газетных публикациях представления о характере, привычках, особенностях Александра I как личности, о его поступках в частной жизни вне большой политики. Подводится итог тому, какая натура стояла, по мысли газетных наблюдателей, за поступками этого политика мирового уровня.

Во втором параграфе – «Оценки исторической роли Александра I» – рассматриваются прижизненные мнения о фигуре императора, выходящие за рамки осмысления отдельных эпизодов и обнажающие суждения о его роли в истории в целом, а также подводящие итоги жизни и царствования этого монарха некрологи. Показывается, что при всем разнообразии оценок самой

главной ассоциацией с его образом по смерти императора оказалась приверженность христианской идее на всех уровнях.

В **заключении** делается вывод, что основными содержательными характеристиками образа Александра I в изложении британской и немецкой прессы стали многослойность (Александр как герой освободительной войны, как основоположник новой политико-религиозной идеологии, как частное лицо) и противоречивость – британские и немецкие издания совпадали в своих оценках российского императора почти исключительно лишь в период Войны шестой коалиции и Венского конгресса, в дальнейшем избрав принципиально разные парадигмы.

С одной стороны, газетные материалы позволяют проследить формирование образа Александра I как политического деятеля – российского государя и видного игрока на европейской политической арене. Этот образ динамично развивался от олицетворения мира, милосердия и освобождения от оков в эпоху Войны шестой коалиции к персонификации новой системы международных отношений в последующий период.

С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода газеты регулярно приводили суждения об императоре Александре как личности. Эти суждения рисуют довольно цельный и гармоничный портрет, который, тем не менее, немецкой и английской сторонами зачастую трактовался с противоположными знаками. Мечтательность, лиричность натуры русского царя немецких наблюдателей трогала и заражала надеждами: его саморепрезентация спасителя Европы пала на благодатную почву, а светлые и яркие картины будущего, которое, по его мысли, должно было настать после объединения европейских народов в единую христианскую семью, казались для немцев желанными и привлекательными. Для англичан подобные фантазии были чужды, подозрительны и отчасти даже опасны, поэтому в их изложении Александр I представлял двуличным обольстителем и шарлатаном. Эмоциональное обаяние российского императора, его умение вызывать симпатию к себе у самых разных собеседников английские

корреспонденты также трактовали в контексте использования им окружающих в личных целях, в то время как немецкие писали об этих качествах в контексте открытости, доброты и доступности царя, а также его умения вносить в происходящее гармонизирующее начало. Наконец, в английской прессе фигурировали мнения о лени и праздности Александра, которыми в числе прочего объяснялся разрыв между его возвышенными призывами и несовершенством реальной политики. В немецкой же, напротив, акцент делался на энтузиазме императора, работе на износ во имя общего блага и желании обеспечить счастье для всех и каждого. Таким образом, можно говорить о столкновении мифов об Александре I как спасителе Европы и «черного мифа» о нем.

Существенное расхождение между образами Александра I в немецкой и британской прессе можно объяснить разностью социокультурного облика этих двух наций (национал-романтизм в немецких землях и прагматизм в Англии), различиями их внутренних политических повесток в исследуемый период (необходимость национального возрождения в Германии и желание удержать свои позиции на мировой арене в Великобритании), а также сложившимися особенностями неформальных отношений между российским императором и правителями соответствующих государств.

Исходившие от Александра I саморепрезентации не нашли полного понимания в глазах зарубежной (английской и немецкой) публики. Последняя охотно откликалась на его частные попытки завоевать народную любовь демонстрацией скромности и человечности, щедрости и открытости – но весьма ограниченно постигала суть его глобально-идеологических манифестаций.

Отправной точкой религиозных саморепрезентаций Александра I служило его позиционирование себя в качестве смиренного верующего, развивавшееся им с эпохи войны 1812 г., когда под ударами военных неудач российский император пришел к искренней вере. Подобное амплуа закрепилось за ним в сознании иностранной публики достаточно прочно, судя

по тому, что его воспроизводят даже газетные некрологи в то время, когда многое в личности этого монарха уже было переосмыслено критиками. Сравнительный успех имело и развитие этой саморепрезентации в другую, более высокоуровневую, – когда Александр I стал преподносить себя в качестве орудия Провидения, призванного противостоять Наполеону как «гению зла»: в первой половине 1810-х гг. в прессе звучали идеи о том, что победа была ниспослана России не иначе как за веру и смирение ее правителя и что император Александр лично рассеял зло, возвращенное Бонапартом.

Сложнее дело обстояло с теми репрезентациями, которыми российский император окружал деятельность созданного его вдохновением Священного союза. Для него самого это объединение имело смысл морального завета, на основании которого в дальнейшем уже надлежало выработать некие практические договоренности. В определенном смысле это был компендиум его веры. И можно говорить о том, что, по крайней мере, часть наблюдателей (в немецкой прессе) вслед за Александром Павловичем действительно увидели в этом союзе попытку замены извечной вражды и насилия на геополитическом поле отношениями единой религиозной морали и братства во Христе. Воспринята была и идея императора с уподоблением союза монархов союзу библейских волхвов – поскольку долгое время Священный союз в газетах именовали именно *Heilige Bund*. В то же время другой сегмент публики (с британских берегов) диаметрально переворачивал символику Священного союза, иронизируя над заложенными в него Александром I христианскими коннотациями – что говорит о том, что эта его репрезентация была замечена обществом, но не была принята.

Наконец, важной составляющей религиозных репрезентаций Александра I были совместные богослужения с союзными монархами. Начав развивать эту линию еще до создания Священного союза и продолжив в его рамках, российский император разработал наполненный символическими смыслами церемониал, который, по-видимому, остался недооцененным теми, к кому был обращен: в прессе присутствовало чисто внешнее описание

нескольких (отнюдь не всех!) из этих богослужений без сколько-нибудь существенного внимания к ним и осмысления их символического контекста.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки:

1. *Латонова А.В.* Александр I на Венском конгрессе глазами немецкой прессы // Человеческий капитал. 2022. № 12 (168). С. 57–67 (1,27 п.л.). (ИФ РИНЦ – 0,371).

2. *Латонова А.В.* Образ Александра I на страницах газеты “Allgemeine Zeitung” // Человеческий капитал. 2023. № 1 (169). С. 69–75 (0,81 п.л.). (ИФ РИНЦ – 0,371).

3. *Латонова А.В.* Александр I в противостоянии с Наполеоном: оценки немецкой и британской прессы 1812–1815 гг. // Клио. 2023. № 1. С. 94–103 (1,16 п.л.). (ИФ РИНЦ – 0,170).

4. *Латонова А.В.* Александр I как глава Священного союза: интерпретация британской прессы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2023. Т. 111. №. 4. С. 51–67 (1,22 п.л.). (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,477).